

Александр МАЙОРОВ

МОНГОЛО-ТАТАРЫ В ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ

Восстанавливаемый по Ипатьевской летописи (далее – Ил), а также Софийской Первой (далее – С1л), второй подборке Новгородской Карамзинской (далее – НК2) и Новгородской Четвертой (далее – Н4л) летописям первоначальный текст Повести о нашествии Батыя включает эпизоды о взятии татарами Переяславля и Чернигова, приходе Менгу-хана к Киеву, бегстве Михаила Всеволодовича в Венгрию, занятии киевского стола смоленским князем Ростиславом Мстиславичем, захвате последнего Даниилом Романовичем и передаче Киева тысяцкому Дмитру¹.

Правда, в Ипатьевском списке часть рассказа, начиная с эпизода бегства Михаила в Венгрию, выделена в особую годовую статью: «В лето 6746 Михаилъ бежа по сыноу своемъ передь татары Оугры...». Однако в Хлебниковском списке, также как и в летописях новгородско-софийской группы, рассказ представлен как единое повествование, а сообщение о бегстве Михаила и последующие известия соединены с ним при помощи вводных выражений: «потом же», «потомъ»².

Захват Ярославом жены и бояр Михаила в Каменце

Далее в первоначальный текст Повести о нашествии Батыя составителем Ил сделаны три вставки, две из которых имеют значительный объем. Первая вставка, как заметил еще А. А. Шахматов, сделана после слов: «и вдасть Киевъ в роуце Дмитрови обьдержати противоу иноплемьныхъ языкъ безбожьныхъ татаровъ»³. В ней речь идет о судьбе бежавшего из Киева Михаила Всеволодовича и его семьи: о захвате князем Ярославом в Каменце жены Михаила и о ее последующем возвращении из плена благодаря хлопотам Даниила Романовича, об отказе венгерского короля выдать свою дочь за сына Михаила Ростислава, о скитаниях Михаила и Ростислава в Польше и их последующем примирении с Даниилом и Васильком Романовичами, об уступке Михаилу Киева, а Ростиславу - Луцка, о новом бегстве Михаила и Ростислава в Мазовию и Силезию после захвата татарами Киева, об ограблении Михаила немцами в Силезии и его возвращении в Мазовию.

Вставной характер этих известий демонстрируют весьма характерные речевые обороты, при помощи которых они включены в текст первоначального рассказа о нашествии Батыя. С предыдущим повествованием вставка соединяется фразой, повторяющей сообщение о бегстве Михаила в Венгрию: «Яко бежалъ есть Михайиль ис Кыева в Оугры...». Заканчивается же она стандартным переходным оборотом, отсылающим к предшествующему изложению: «Мы же на преднее возвратимся»⁴.

Вставка о судьбе Михаила и Ростислава является отрывком из какого-то более полного и связного повествования, начало которого при включении в летопись было опущено. В результате сообщение о захвате жены Михаила и его бояр в городе Каменце утратило первоначальный смысл и выглядит как искусственная конструкция, составленная из разрозненных фраз: «Яко бежалъ есть Михайиль ис Кыева в Оугры, ехавъ я княгиню его, и бояръ его поима, и город Каменецъ взя».

О том, кто был обидчиком Михаила, захватившим его жену и бояр, узнаем только из дальнейшего изложения. Даниил Романович, на чьей сестре был женат Михаил, стал просить освободить ее из плена, обратившись с этим к похитителю. И тогда только выясняется имя последнего: «Ярославъ оуслыша словеса Данилова, и бысть тако, и приде к нима сестра, к Данилоу и Василкоу»⁵.

Известие о захвате Ярославом в Каменце жены Михаила Всеволодовича попало в летописание Северо-Восточной Руси, под 6747 (1239) г. оно читается в Лаврентьевской летописи (далее – Лл): «Тогож лета Ярославъ иде г Каменьцю, град взя Каменецъ, а княгиню Михайилу со множеством полона приведе в своя си»⁶. О заимствовании этого известия из южнорусского источника могут свидетельствовать не только передаваемые в нем сведения о событиях на юге, но и имя князя Ярослава, оставленное без отчества и указания на местопребывание княжеского стола.

Это имя, появившееся в сообщении Ил без всякой связи с предыдущим изложением, породило среди историков дискуссию в отношении идентификации его обладателя, иногда приобретающую курьезный характер. Некоторые считают, что речь здесь должна идти о владимиристо-суздальском князе Ярославе Всеволодовиче, имевшем личные счеты с Михаилом⁷. В то же время есть основания считать, что упомянутым Ярославом мог быть кто-то из южнорусских князей, послушных Даниилу, например Ярослав Ингваревич, княживший в Луцке, а затем в Межибожье и Перемысле⁸.

К последней точке зрения в свое время присоединились и мы⁹, чем вызвали острую реакцию некоторых новейших критиков. По

мнению А.А. Горского, действия малозначительного волынского князя Ярослава Ингваревича «вряд ли вообще были бы упомянуты в летописании Северо-Восточной Руси», упоминание о таком князе среди известий 1239 г., посвященных великому князю Ярославу Всеволодовичу, «представляется абсолютно невероятным»¹⁰. Еще дальше зашел Д.Г. Хрусталев, по мнению которого «А.В. Майоров измышляет (ссылаясь на М.С. Грушевского) нового фигуранта русской истории “Ярослава Ингваревича”, о котором якобы говорится в Ипатьевской летописи. Этот князь никому более не известен и служить основанием для пересмотра абсолютно прозрачной интерпретации летописного известия не может»¹¹.

Разоблачительный пафос нашего критика превосходит доказательную силу его аргументов. Известие о захвате Ярославом жены и бояр Михаила в Каменце имеет, несомненно, южнорусское происхождение. В летописании Владимиро-Суздальской Руси оно попало из источника, близкого к Ил, наряду с сообщениями о захвате татарами Переяславля и Чернигова, взятии Киева и походе на Венгрию¹².

Именно перед сообщениями о захвате татарами Переяславля и взятии Ярославом Каменца в Лл завершается текст Повести о Батыевом нашествии, составленный в Северо-Восточной Руси. Затем характер записей заметно меняется: на смену связному и цельному повествованию приходят отдельные краткие известия, часть которых является сжатым пересказом более пространственных сообщений, представленных в Ил, сокращается число точных и полных дат, смешиваются стили летосчисления¹³.

Как устанавливает Г.М. Прохоров, составитель Лл при описании событий монголо-татарского нашествия был знаком с текстом Ил: в описании взятия татарам Владимира-на-Клязьме версия Лл имеет такие смысловые отличия от рассказа Ил, которые могут свидетельствовать о стремлении составителя Лл оппонировать последнему, обходя и смягчая нелицеприятные для владимирских князей подробности¹⁴.

Следовательно, вопрос идентификации Ярослава должен решаться, прежде всего, исходя из анализа сообщения Ил.

В таком ключе строил свои рассуждения еще Н. М. Карамзин, считавший, что, хотя в Суздальской летописи (Лл) речь идет, несомненно, о великом князе Ярославе Всеволодовиче, Волынская летопись (Ил) могла иметь в виду другого князя, поскольку трудно понять, «как мог великий князь в такое бурное время идти из Владимира Суздальского в нынешнюю Подольскую губернию». Карамзин первым из историков предположил, что в известии о захвате Каменца

мог быть упомянут волынский князь Ярослав Ингваревич¹⁵. Более определенно высказывался С.М. Соловьев: «В рассказе волынского летописца ясно видно, что Ярослав был ближайший местный князь, который перехватил на дороге жену и бояр Михаиловых»; по всей вероятности, таковым был Ярослав Ингваревич¹⁶.

Доводы Карамзина и Соловьева были поддержаны другими исследователями¹⁷. Действительно, из далекого Владимира-Суздальского Ярославу Всеволодовичу трудно было бы успеть перехватить в Каменце жену и обоз бежавшего из Киева Михаила. На наш взгляд, можно согласиться с общим выводом М.С. Грушевского, поддержанным затем А.А. Шахматовым: в известии Ил речь идет о Ярославе Ингваревиче, и оно «попало в северные своды, так как Ярослав Ингваревич по недоразумению был принят за Ярослава Всеволодовича»¹⁸. По мнению Шахматова, сообщение «о взятии Ярославом Ингваревичем Каменца и о пленении жены Михаила Всеволодовича» происходит из черниговского источника Галицко-Волынской летописи (далее – ГВл)¹⁹.

Доводы Д. Домбровского о том, что Ярослав Ингваревич не мог напасть на Михаила Всеволодовича в 1239 г., так как скончался еще в 1231 г.²⁰, не могут быть приняты из-за слишком шаткого их основания. Исследователь ссылается на сообщение Родословия витебских князей, помещенного в виде приписки к Хронике Быховца. Однако в этом источнике говорится о смерти в 1231 г. другого князя – Ярослава Изяславича²¹. Доказать его тождество с Ярославом Ингваревичем, на наш взгляд, не представляется возможным.

В Лл поход Ярослава к Каменцу предшествует взятию татарами Чернигова и, следовательно, бегству из Киева Михаила. Он поставлен даже ранее освящения церкви Святых Бориса и Глеба в Кидекше, состоявшегося в день празднования их памяти (24 июля 1239 г.)²². Такую последовательность принимают историки, отдающие приоритет известию северорусского источника. Это дает им основание для пересмотра общей хронологии событий 1239 г. в Южной Руси, выстраиваемой по известиям Ил²³. Однако сообщение Лл о захвате Каменца Ярославом вторично по отношению к известию Ил. Последняя же определенно указывает, что захват жены и бояр Михаила произошел после бегства его из Киева вследствие неудачных переговоров с татарами, ранее захватившими Чернигов (поздняя осень или начало зимы 1239 г.).

Взяв известие о захвате Каменца из южнорусского источника и приняв фигурирующего в нем Ярослава за Ярослава Всеволодовича, составитель Суздальской летописи должен был найти среди событий 1239 г. подходящее время для похода владимирского велико-

го князя к столь отдаленному городу, располагавшемуся на границе Киевской и Волынской земель. Отнести поход к Каменцу на осень, ко времени после захвата татарами Чернигова (как следует из Ил), суздальский летописец не мог, так как в это время Ярослав Всеволодович участвовал в другом походе – на Смоленск и на Литву²⁴. В середине лета он был занят устроением и освящением разрушенной татарами церкви Святых Бориса и Глеба в загородной великокняжеской резиденции в Кидекше. Оставалось одно – передвинуть поход к Каменцу на более раннее время – весну или начало лета 1239 г.

Взятие татарами Колодяжина и Каменца, неудача под Кременцом

Заключительная часть южнорусской версии Повести о нашествии Батяя сообщает о разорении татарами земель Юго-Западной Руси и дальнейшем походе завоевателей в Венгрию.

Следующим после Киева был взят город Колодяжин: татары обманули его жителей, уговорив сдаться. После слов «они же послушавше злого света его, передашася, и сами избити быша»²⁵ в текстах Ил и летописей новгородско-софийской группы начинаются расхождения:

Ил	С1л
И приде Каменцю Изяславлю, взять я. Видивъ же Кремянецъ и градъ Даниловъ, яко не возможно прияти емоу, и отиде от нихъ, и приде к Володимероу.	Оттоле же прииде к Каменцю, граду Изяславлю, и взя его. Видев же Кремянецъ, град Даниловъ, и не възможе взяти его, бе бо крепокъ велми, и отиде от него, и прииде къ Володимерю.

Сколько русских городов, лежавших на пути от Киева к Владимиру-Волынскому, подверглись нападению войск Батяя? Большинство новейших исследователей, ссылаясь на приведенный текст Ил, говорят о пяти таких городах – Колодяжине, Каменце, Изяславле, Кременце и Данилове. Три из них были захвачены и разрушены, а двум последним удалось отбиться²⁶. Приведенное сообщение Ил является основанием и при определении возраста древнейших городов Волынской земли: Н.Ф. Котляр нашел в нем доказательство

возникновение города Данилова еще в домонгольское время, полемизуя по этому поводу с В.Т. Пашуто²⁷; аналогичный вывод Котляр сделал и в отношении времени возникновения Изяславля²⁸.

Однако, как видно из приведенной сопоставительной таблицы, вместо названных в Ил пяти городов летописи новгородско-софийской группы указывают только три – Колодяжин, Каменец Изяславов и Кременец Данилов²⁹. Эти же три города фигурируют в описании татарского похода на Волынь в летописях, отразивших Белорусско-Литовский свод 1446 г. (Никифоровская и Супрасльская)³⁰ и московское великокняжеское летописание 1470-х гг. («Оттоле же приде х Каменцю, граду Изяславлю, и взя его. И видев же Кременець, град Данилов, и не возможе взяти его, бе бо крепок вельми, и отъиде от него...»)³¹.

По-видимому, в первоначальном тексте Повести о нашествии Батыя значились только три города, встретившиеся войскам хана на пути от Киева к Владимиру: Колодяжин, Каменец и Кременец. Названия Изяславль и Данилов, читающиеся в сообщении Ил как самостоятельные топонимы, нельзя считать таковыми, поскольку они, очевидно, являются атрибутами составных названий – Каменец Изяславль и Кременец Данилов, указывающими на принадлежность городов князьям - Изяславу и Даниилу соответственно.

К такому же выводу недавно пришел Е.И. Осадчий³². Исследователь указал на трудности, возникающие при локализации Каменца и Изяславля как двух отдельных городов, которые, однако, преодолеваются, если видеть в них составные части названия одного города. По мнению Осадчего, древнерусский Каменец Изяславль располагался на месте современного города Изяслава, районного центра Хмельницкой области Украины, где обнаружены остатки городища XII – XIII вв., уничтоженного сильным пожаром³³.

Можно согласиться и с другим выводом Е.И. Осадчего: по древнерусским письменным источникам XIII – XIV вв. топоним Данилов известен только в составных названиях – Данилов Стожек (ГВл, под 1261 г.) и Данилов Закамень (польско-литовские дипломатические акты 1366 г.), а упомянутый в «Истории монгалов» Плано Карпини населенный пункт *Danilone* должен был находиться не на Волыни, а в районе Киева.

Таким образом, при реконструкции обстоятельств похода Батыя на Волынь в начале 1241 г. следует отдать предпочтение сообщению летописей новгородско-софийской группы и позднейших общерусских сводов, в котором фигурируют только три русских города, встретившиеся на пути завоевателей. Примечательно, что этот вывод был сделан еще историками XIX в. Н.М. Карамзин и С.М. Со-

ловьев писали о взятии Батыем Каменца, города Изяслава, и невозможности взять Кременец, города Даниила³⁴. Такую же трактовку летописных известий о походе татар на Волынь встречаем у Н.И. Костомарова и Н.П. Дашкевича³⁵. Изяславль и Данилов как особые города не упоминаются в историко-географических исследованиях М. П. Погодина и М.П. Барсова³⁶.

Только в работах Д.Я. Самоквасова и В.Б. Антоновича было высказано предположение о возможной связи между населенными пунктами Изяслав (на Горыни) и Даниловка (близ Кременца) и древнерусскими городами, названными в статье 1240 г. Ил³⁷. Это предположение было поддержано М.С. Грушевским³⁸, отметившим в своих комментариях к исторической карте Волынской земли, что «донуны обозначение этого города (*Данилова. – А.М.*) не было принято в науке»³⁹. Утверждению представлений о древнерусских городах Данилов и Изяславль способствовали открытие П.А. Раппопортом на горе Троица в окрестностях села Даниловка (Шумского района Тернопольской области) остатков древнерусского городища XIII в.⁴⁰, а также обнаружение следов нескольких древнерусских городищ по течению Горыни и ее притоков, связываемых с Изяславлем⁴¹.

Где находилась летописная Володава?

Последними эпизодами южнорусской повести о побоище Батыевом были сообщения о победе татар над венгерским королем Белой и его братом Коломаном в битве на реке Солоной (Шайо), бегстве венгров и погоне за ними татар до Дуная, где войска Батыя затем «стояша по победе три лета»⁴².

В самом конце первоначального рассказа о нашествии Батыя (после слов «стояша по победе три лета») составителем Ил сделана еще одна – третья – вставка. По объему текста она значительно превышает все другие вставки.

Вставной текст начинается со слов: «Преже того ехаль бе Данило князь ко королеви Оугры»⁴³. Завершается он словами: «Даниль же, затворивъ Холмъ, еха ко братоу си Василкови, поима с собою Коурила митрополита»⁴⁴.

Как и две предыдущие, эта вставка включает известия о судьбе Даниила Романовича и черниговских князей, его главных соперников на юге Руси, и представляет собой, несомненно, отрывок из летописания Даниила Галицкого. Текст ее в Ипатьевском списке разделен на три части и помещен в разных годовых статьях – 6748, 6749 и 6751 (статья 6750 оставлена без текста). В Хлебниковском списке этот текст не имеет разделения, вместо заголовков годовых статей

здесь употреблены словосочетания: «Потом же» и «В то же время»⁴⁵.

Первоначальный текст (без вставки) сохранился в летописях новгородско-софийской группы, где вся «южнорусская» часть Повести о Нашествии Батыя помещена под 6748 г.⁴⁶ Сличение летописей показывает, что при изъятии вставного текста из Ил восстанавливается первоначальный текст сообщения о «стоянии» татар на Дунае и «воевании» до Володавы, который читается ныне в летописях новгородско-софийской группы:

Ил	С1л
<p><i>под 6748 (1240) годом:</i></p> <p>...и гнаша е татаре до реке Дуоная. Стояша по победе три лета.</p>	<p><i>под 6748 (1240) годом:</i></p> <p>...татарове же гнашася по них до Дуная реки. И стояша по победе 3 лета, и воеваша до Володавы, и по озеромъ, и възвратишася в землю свою, многа зла створиша крестияномъ.</p>
<p><i>под 6751 (1243) годом:</i></p> <p>А татарове воеваша до Володавы и по озерамъ, много зла створше.</p>	

Таким образом, в первоначальном виде текст Повести о Нашествии Батыя южнорусской версии заканчивался словами: «И стояша по победе 3 лета, и воеваша до Володавы, и по озеромъ, и възвратишася в землю свою, многа зла створиша крестияномъ». Примерно в таком же виде окончание повести читается в большинстве общерусских летописей второй половины XV – XVI в.⁴⁷

Завершающая фраза повести о возвращении татар в землю свою, «многа зла створиша крестияномъ», по своей смысловой направленности и стилистике вполне соответствует ее начальным словам: «Придоша безбожнии измалтяне, преже бивъшеся со князи роускими на Калкохъ...». Сообщениями о приходе «безбожных измаилтян» на Русь и о возвращении «в землю свою» врагов христиан после учиненного погрома автор повести начинает и завершает свой печальный рассказ.

Современные исследователи не обращают внимания на отмеченную нами особенность заключительной части текста Повести о

нашествии Батыя в составе Ил. По общему мнению, текст повести завершается словами о стоянии татар на Дунае («стояша по победе три лета»)⁴⁸. Возможно, свою роль сыграла невнимательность при сличении текстов Ил и летописей новгородско-софийской группы. Впрочем, даже проделавший его Г.М. Прохоров, верно указавший, что текст статьи 6748 г. С1л составлен из фрагментов текстов Ил, помещенных под 6746 и 6747 гг., заключительную фразу – «и воеваша до Володавы и по озером» – счел заимствованной из неизвестного источника⁴⁹.

Между тем, еще в 1900 г. А.А. Шахматов прямо указывал, что фраза о «воевании» татар «до Володавы и по озерамъ» взята из окончания Повести о нашествии Батыя, которое в Ил отделено от основного текста позднейшей вставкой: «Последняя фраза повести “а татарове воеваше до Володавы и по озерамъ и воротитася много зла сотвориша христианомъ” (Ипат. и Хлебн.) отделена обширной вставкой, начинающеюся словами “стояша по победе три лета” и обнимающею (по Ипат. списку) события 1240 – 1243 гг.»⁵⁰

Различия в текстах Ил и С1л в эпизоде «стояния» татар на Дунае и «воевания» до Володавы недавно пытался объяснить Е.И. Осадчий. Поскольку Ипатьевский список переписывался с оригинала, где были перепутаны листы, возникла путаница в некоторых местах текста летописи. В результате фраза «и стояша по победе 3 лета, и воеваша до Володавы и по озеромъ» оказалась разорванной на две части: начало ее помещено в статье 1240 г., а окончание – в статье 1243 г. На «своем надлежащем месте», по мнению Осадчего, эта фраза читается в Хлебниковском списке и «тождественно» – в С1л и Московском летописном своде 1479 г.: «И стояша по победе 3 лета, и воеваша до Володавы и по озеромъ, и възвратишася в землю свою, многа зла створиша крестияномъ»⁵¹.

Утверждения исследователя не соответствуют действительности. В Хлебниковском списке, так же как и в Ипатьевском, интересующая нас фраза разделена на две части. После слов «стояша по победе 3 лета» в Хлебниковском списке начинается текст вставки: «Преже того ехаль бе Данило князь къ королеви въ Оугры»⁵²; окончание фразы о татарах – «и татарове воеваша Доволодавы, и по озеромъ...» – читается здесь только после заключительных слов вставки: «и поима со собою митрополита Курила»⁵³. Тексты Ипатьевского и Хлебниковского списков в указанных местах совпадают.

Вместе с тем, в Хлебниковском списке концовка фразы представлена в более полном виде, нежели в Ипатьевском списке, и соответствует тексту, читающемуся в С1л:

Ипатьевский список	Хлебниковский список	С1л
А татарове воеваша до Володавы и по озерамъ, много зла створше.	И татарове воеваша Доволодавы, и по озеромъ, и вортишася, много зла сотвориша христианомъ.	и воеваша до Володавы, и по озеромъ, и възвратишася в землю свою, многа зла створиша крестияномъ.

Из приведенного сопоставления следует, что в оригинале Ил – общем протографе Ипатьевского и Хлебниковского списков – концовка сообщения о победе войск Батыя над венграми выглядела иначе, чем в Ипатьевском списке: в упомянутом протографе читался текст, практически идентичный тексту С1л.

Данное наблюдение подтверждает наш общий вывод о том, что первоначальный текст южнорусской версии Повести о нашествии Батыя в наиболее полном виде представлен в летописях новгородско-софийской группы. Ее заключительными эпизодами были известия о победе татар над венграми в битве на реке Солоной, преследовании венгерских войск до Дуная, трехлетнем стоянии здесь татар, разорении ими земель «до Володавы» и последовавшем затем возвращении «в землю свою».

Последние два известия – о разорении земель до Володавы и уходе татар восвосяи – в Ил оказались отделены от основного текста повести обширной позднейшей вставкой. Вопреки мнению А.А. Шахматова, текст вставки начинается словами: «Преже того ехаль бе Данило князь ко королеви Оугры». Эта фраза читается только в Ил, между тем как предлагаемая Шахматовым как начальная фраза «стояша по победе три лета», помимо Ил, читается также в летописях новгородско-софийской группы и в позднейших общерусских сводах и, следовательно, восходит к первоначальному тексту Повести о нашествии Батыя.

Текст вставки содержит сообщения о поездке Даниила Романовича в Венгрию и отказе короля Белы от союза с ним; о попытке Даниила вернуться на Русь и бегстве его в Венгрию и Польшу из-за страха перед татарами; о возвращении после ухода татар Даниила в Холм, а Михаила Всеволодовича и его сына Ростислава – в Киев и Чернигов; о своеволии галицких бояр, вышедших из повиновения

Даниилу; о поездке Якова, стольника Даниила, в Понизье и его переговоров с Доброславом Судычем; об аресте по приказу Даниила Доброслава Судыча и Григория Васильевича – незаконных правителей Понизья и «горной страны Перемышльской» (статья 6748 в Ипатьевском списке); о попытке Ростислава Михайловича вместе с болоховскими князьями захватить Бакоту, предотвращенной Кириллом, печатником Даниила; о разорении Даниилом Болоховской земли; о захвате Ростиславом Галича и изгнании его Даниилом; о походе Андрея, дворского Даниила, на Перемышль, захваченный Константином Рязанским, сторонником Ростислава Михайловича, бегстве Константина и расправе Андрея со слугами перемышльского епископа и певцом Митусой (статья 6749 в Ипатьевском списке); о преследовании татарами Ростислава Михайловича до Борка, его бегстве в Венгрию и женитьбе на дочери короля Белы; о направлении к Даниилу Батыем, вернувшимся из похода в Венгрию, двух богатырей – Манмана и Балая; об отъезде Даниила из Холма вместе с митрополитом Кириллом к князю Васильку (статья 6751 в Ипатьевском списке).

После такой обширной вставки концовка Повести о нашествии Батыя утратила первоначальный смысл. Известия о «воевании» татарами земель «до Володавы и по озерамъ», а также пропущенное в Ипатьевском списке сообщение о возвращении татар «в землю свою», будучи помещенными в новом контексте известий Ил о посылке вернувшимся из Венгрии Батыем двух «богатырей» к Даниилу, приобрели новый смысл, весьма далекий от первоначального.

Большинство историков полагают, что сообщение о разорении татарами земель «до Володавы и по озерамъ» является продолжением известия о посылке Батыем к Даниилу Манмана и Балая. Упомянутую здесь Володаву отождествляют с современным городом Влодава (*Włodawa*, поветовый центр Люблинского воеводства Польши), на территории которого, при впадении речки Влодавки в Западный Буг, обнаружены следы древнерусского городища⁵⁴.

В итоге отмечается факт еще одного нападения татар на Воынь, состоявшегося в 1242 или 1243 г. и закончившегося разорением земель вокруг Холма и Люблина до Володавы⁵⁵. В некоторых новейших работах даже сделаны уточнения недостающих в сообщении Ил деталей, – указаны названия озер, по берегам которых воевали татары: «Весной 1242 г. татары опустошили земли “до [города] Володавы и по озерам [Святязь, Пулемецкое, Луки; на восток от города Влодавы], и вернулись, много зла совершив”»⁵⁶.

Между тем в Ил, в статье 6748 (1240) г., встречаем упоминание еще одного населенного пункта со схожим названием – Водава.

Здесь соединился со своим отцом Даниилом его сын Лев, вернувшийся из Венгрии: «Вышедшоу же Львови изъ Оугоръ с бояры галичкими, и приеха во Водавоу ко отцю си, и радъ бысть емоу отецъ»⁵⁷.

Как соотносятся между собой летописные топонимы Водава и Володава? В литературе на этот счет нет единого мнения. Большинство исследователей считают, что Ил в статьях 6748 и 6751 г. говорит о разных географических объектах: Водава – город в Галицком княжестве, а Володава – город в Волынском княжестве⁵⁸, или Водава и Володава – два города в Галицкой земле⁵⁹.

Н.Ф. Котляр и Л.Е. Махновец высказали предположение, что упомянутые названия имеют отношение к одному объекту – городу Володаве на Западной Волыни, близ Холма и Люблина (современный город Влодава в Польше)⁶⁰. По-видимому, такого же мнения придерживался М.С. Грушевский, датировавший встречу Льва с Даниилом «в Володаве» второй половиной марта 1241 г., а татарское воевание «до Володавы» – весной 1242 г.⁶¹

В пользу локализации летописной Водавы близ Холма свидетельствует сообщение Ил, помещенное непосредственно перед известием о встрече Даниила со Львом. Накануне Даниил находился в Холме, где принимал своего союзника Ростислава Владимировича: «Ростислав же Володимеричъ приде к Данилоу во Холмъ, одержаль бо беаше Богъ от безбожных татаръ»⁶². Поскольку другого населенного пункта с похожим названием в районе Холма в историческое время не известно⁶³, приходится признать, что в известии о встрече Даниила со Львом в Водаве речь идет о древнерусском городе Володаве, располагавшемся на территории современной Влодавы.

Употребление разных названий в известиях, относящихся к одному географическому объекту и хронологически разделенных событиями одного года, указывает, что сообщения о встрече Даниила и Льва в Водаве и воевании татар до Володавы происходят из различных источников, механически соединенных позднейшим сводчиком.

Однако дело не только в этом.

Возвращенное в свой первоначальный контекст и представленное в полном виде известие о стоянии татар на Дунае и воевании до Володавы («татарове же гнашася по них до Дуная реки; и стояша по победе 3 лета, и воеваша до Володавы, и по озеромъ»), очевидно, подразумевает вовсе не нападение татар на Западную Волынь, а какие-то другие события, связанные с пребыванием завоевателей в Дунайском регионе.

Поскольку о Володаве и прилегающих озерах составитель Повести о нашествии Батяя вспоминает в самом конце своего произведе-

дения, в связи с завершением великого Западного похода монголов, можно полагать, что в данном случае речь идет о географическом объекте, ставшем последним достигнутым завоевателями рубежом на западе.

Употребляемое в Ил и позднейших общерусских летописях название Володава - скорее всего, гидронимом, так как фигурирует в общем ряду с другими водными объектами - Дунаем и еще какими-то озерами, названия которых не приводятся.

Возможно, под Володавой составитель Повести о нашествии Батыя имел в виду Влтаву, которая наряду с Дунаем считается одной из наиболее крупных и полноводных рек Центральной Европы. Протекающая по территории Чехии, Влтава в своем верхнем и среднем течении действительно связана с большим количеством озер и других водоемов. Бассейны Влтавы и Дуная географически соединены между собой.

Известно, что во время Западного похода монголо-татарские войска достигли чешских земель. После взятия Кракова и победы в битве под Легницей 9 апреля 1241 г. над объединенным польско-немецким войском краковского князя Генриха II Благочестивого монголы под командованием Байдара и Орду повернули на юг, чтобы соединиться с основными силами Батыя, нахотившимися в Венгрии, пройдя через земли Богемии и Моравии⁶⁴.

В источниках сохранились сведения о военных действиях в районе Опавы, Градишева и Оломоуца (Восточная Чехия)⁶⁵. Хронистами засвидетельствован также факт разорения татарами моравских земель на глубину четырехдневного перехода⁶⁶. Впрочем, некоторые известия о пребывании татар в Чехии носят характер легенд или являются позднейшими фальсификациями, как, например, содержащийся в так называемой Краледворской рукописи рассказ о победе над татарами в битве при Оломоуце чешского войска под предводительством Ярослава из Штернберка⁶⁷.

Название Влтава в различных европейских языках имеет несколько форм: чеш. *Vltava*, польск. *Włtawa*, нем. *Moldau*, которые восходят к ст.-герм. **wilt ahwa* («дикая вода»). В передаче русского летописца это название могло приобрести форму Вльдава (Володава) – чередование корневого *-d* и *-t* зафиксировано в средневековых западноевропейских источниках, например: *Fuldaha* и *Wultha* (*Annales Fuldenses*, 872 и 1113 гг.)⁶⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Майоров А. В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть первая // *Rossica antiqua*. 2012. № 1. С. 33-94.

2. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1998. Т. II. Стб. 781-782; М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 300-301; СПб., 2002. Т. 42. С. 116; М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 226.

3. *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 332. № 11. Ноябрь. С. 160-161.

4. ПСРЛ. Т. II. Стб. 782-784.

5. Там же. Стб. 782-783.

6. Там же. М., 1997. Т. I. Стб. 469.

7. *Горский А. А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 186-187; *Dąbrowski D.* Genealogia Mścistawowiczów. Pierwsze pokolenia (do roszątku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 343; *Карпов А. Ю.* Батый. М., 2011. С. 306, прим. 18.

8. *Грушевський М. С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 28; *Котляр Н. Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 252.

9. *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 602.

10. *Горский А. А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. С. 186-187, прим. 27.

11. *Хрусталеv Д. Г.* Русь: От нашествия до «ига» (30-40 гг. XIII века). СПб., 2004. С. 161, прим. 1.

12. См.: *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 172, 173.

13. См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 110.

14. См.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Л., 1974. Т. XXVIII. С. 88-89.

15. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 1992. Т. IV. С. 182-183, прим. 20.

16. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. III // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1988. Кн. II. С. 322-323, прим. 277.

17. См.: *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1855. Т. VI. С. 360; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. I. С. 17, прим. 36; *Грушевський М. С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до середини XIV сторіччя. Київ, 1991. С. 423. Подробнее о дискуссии по поводу идентификации Ярослава см.: *Dimnik M.* Russian Princes and their

Identities in the First Half of the Thirteenth Century // *Mediaeval Studies*. Toronto, 1978. Vol. 40. P. 180-184.

18. *Грушевський М.С.* Нарис історії Київської землі... С. 423, прим. 4.
19. *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков. С. 160-161.
20. *Dąbrowski D.* Genealogia Mściławowiczów... S. 343-344.
21. ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 173, прим. b.
22. Там же. Т. I. Стб. 469.
23. *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev, 1224 – 1246. Toronto, 1981. P. 83; *Хрусталеv Д.Г.* Русь: от нашествия до «ига»... С. 179-180, прим. 2.
24. ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.
25. Там же. Т. II. Стб. 786.
26. *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 125-126; *Хрусталеv Д.Г.* Русь: от нашествия до «ига»... С. 199; *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб., 2007. С. 134-135; *Карпов А.Ю.* Батый. С. 104.
27. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 152.
28. Там же. С. 154.
29. ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 302; Т. 42. С. 117; Т. IV. Ч. 1. С. 227.
30. Там же. М., 1980. Т. 35. С. 27, 44.
31. Там же. М., 2004. Т. 25. С. 131; М., 2006. Т. 26. С. 77.
32. См.: *Осадчий Є.* Ще раз про проблему історичних назв волинських міст, згаданих у статті 1240 р. Іпатіївського літопису // *Ruthenica*. Київ, 2011. Т. X. С. 78-90.
33. См.: *Никитенко М.М., Осадчий Е.И., Полегайлов А.Г.* Древнерусское жилище в г. Изяслав, Хмельницкой обл. // *Советская археология*. 1985. № 1. С. 270-274.
34. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. IV. С. 12; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. III. С. 140-141.
35. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1988. Т. I. С. 192; *Дашкевич Н.П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 72.
36. См.: *Погодин М.П.* Разыскания о городах и приделах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г. СПб., 1848; *Барсов Н.П.* Материалы для историко-географического словаря России. Географический словарь Русской земли (IX – XIV ст.). Вильна, 1865.
37. *Самоквасов Д.Я.* Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России. Волынская губерния. СПб., 1888. С. 40; *Антонович В.Б.* Археологическая карта Волынской губернии. М., 1900. С. 88, 103.
38. *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 252.
39. Там же. С. 608.
40. См.: *Раппопорт П.А.* Данилов // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР*. М., 1971. Вып. 125. С. 82-86.

41. См.: Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. М., 1996. С. 161, № 868–869.
42. ПСРЛ. Т. II. Стб. 786–787.
43. Там же. Стб. 787.
44. Там же. Стб. 794.
45. Там же. Стб. 791, 794.
46. Там же. Т. VI. Вып. 1. Стб. 303; Т. 42. С. 117; Т. IV. Ч. 1. С. 227.
47. См. там же. М., 2000. Т. VII. С. 145; М., 2000. Т. X. С. 118; М., 2000. Т. XV. Стб. 375; М., 2007. Т. XVIII. С. 61; М., 2005. Т. XXI. С. 159; М., 2004. Т. 23. С. 78; М., 2000. Т. 24. С. 95; Т. 25. С. 131; Т. 26. С. 77; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 54, 212; Л., 1977. Т. 33. С. 68; М., 1978. Т. 34. С. 89; М., 2004. Т. 43. С. 94.
48. *Грушевський М.С.* Історія української літератури. Київ, 1993. Т. III. С. 187; *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 86; *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М., 1997. С. 112.
49. *Прохоров Г.М.* Материалы по статейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // Труды Отдела древнерусской литературы... СПб., 1999. Т. 51. С. 171.
50. *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков. С. 161.
51. *Осадчий Є.* Ще раз про проблему історичних назв... С. 79.
52. См. факсимильное издание рукописи: *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Chetvertynskyj (Pogodin) Codices.* Cambridge, 1990 (Harvard Library of Early Ukrainian Literature: Texts. Vol. VIII). P. 334. Col. 674.
53. *Ibid.* P. 337. Col. 680.
54. См.: *Барсов Н.П.* Материалы для историко-географического словаря России. С. 38; *Раннопорт П.А.* Военное зодчество западнорусских земель X – XIV вв. М., 1967 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 140). С. 180; *Куза А.В.* Древнерусские городища X–XIII вв. С. 154, № 808.
55. См.: *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 230; *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 187; *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 158; *Івакін Г.Ю.* Монгольська навала на Русь // Давня історія України: У 3-х томах / Гол. ред. П.П. Толочко. Київ, 2000. Т. III. С. 583; *Хрусталеv Д.Г.* Русь: от нашествия до «ига»... С. 236; *Головко О.Б.* Держава Романовичів та Золота Орда (40–50-ті рр. XIII ст.) // Український історичний журнал. 2004. № 6. С. 6; *Почекаев Р.Ю.* Батый... С. 198; *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264. Kraków, 2011. S. 231; *Войтович Л.В.* Галицко-Волинські етюди. Біла Церква, 2011. С. 271, 303–304; *Карпов А.Ю.* Батый. С. 142.
56. *Кучинко М.М.* Історія населення Західної Волині, Холмщини та Підляшшя в X–XIV століттях. Луцьк, 2009. С. 405.
57. ПСРЛ. Т. II. Стб. 789.
58. См.: *Труворов А.Н.* Географический указатель // Летопись по Ипатскому списку / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1871. С. 4; Указа-

тель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отдел второй: Указатель географический / Сост. С. А. Андрианов. СПб., 1907. С. 34, 39; Именной и географический указатель к Ипатьевской летописи / Сост. Л. Л. Муравьева, Л. Ф. Кузьмина; отв. ред. В. И. Буганов // ПСРЛ. М., 1998. Т. II. С. XXXVI.

59. См.: *Лихачева О.П.* Галицко-Волынская летопись [Комментарии] // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. V. С. 502, 503..

60. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 158; Літопис Руський. За Іпатським списком переказав Леонід Махновець / Відп. ред. О. В. Мишанич. Київ, 1989. С. 398, 400, 544. См. также: *Масенко Л. Т.* Водава // Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / Відп. ред. О. С. Стрижак. Київ, 1985. С. 32.

61. *Грушевський М.С.* Хронологія подій... С. 30, 31.

62. ПСРЛ. Т. II. Стб. 788-789.

63. См.: *Wawryniuk A.* Wielki leksykon lubelsko-wotyńskiego Pobuża: historia, geografia, gospodarka, polityka. Chełm, 2010. Т. I: Gmina Żmudź. Powiat Chełmski; Chełm; Włodawa, 2010. Т. II. Gmina Włodawa. Powiat Włodawski.

64. См.: *Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen, 1235–1250 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von H. Göckenjan und J. R. Sweeney.* Graz; Wien; Köln, 1985. S. 167

65. См.: *Králík O.* Historická skutečnost a postupná mýtizace mongolského vpádu na Moravu roku 1241, Olomouc, 1969. См. также: *Bachfeld G.* Die Mongolen in Polen: Schlesien, Böhmen und Mähren. Ein Beitrag zur Geschichte des großen Mongolensturmes im Jahre 1241, Innsbruck, 1889; *Strakosch-Grassmann G.* Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Innsbruck, 1893.

66. См.: *Annales Sancti Pantaleonis Coloniensis, 1238–1250 / Ed. H. Cardaens // MGH. SS. Hannoverae, 1872. Т. XXII. P. 535.*

67. См.: *Лантева Л.П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи и их русские переводы // Рукописи, которых не было. Подделка в области славянского фольклора. М., 2002. С. 19-20.

68. См.: *Damroth K.* Die älteren Ortsnamen Schlesiens: ihre Entstehung und Bedeutung. Beuten, 1896. S. 34; *Schwarz E.* Zur Namenforschung und Siedlungsgeschichte in den Sudetenländern. 1975. S. 58. См. также: *Zaranski S.* Geograficzne imiona słowiańskie: zestawione alfabetycznie według nazw ich niemieckich, włoskich, rumuńskich, węgierskich i tureckich, z dodaniem niektórych łotyskich i innych zagranicznych spolszczonych. Kraków, 1878.